

Г. Х. Саркисян

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА
И ДРЕВНЕЙ АРМЕНИИ В СОВЕТСКОЙ АРМЯНСКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ**
(1967—1977 гг.)

ИСТЕКШЕЕ десятилетие отмечено дальнейшим развитием советской армянской историографии, углублением ее марксистско-ленинских теоретических основ и расширением ее проблематики и источниковедческой базы, освоением новых, современных методов исторического исследования.

В центре внимания исследователей древнего Востока продолжали оставаться вопросы истории и культуры государства Урарту, хотя среди выполненных работ есть и посвященные другим странам Малой Азии и Месопотамии.

Продолжались археологические исследования урартских памятников. Богатый опыт, накопленный при раскопках предшествующих десятилетий, которые велись под руководством акад. Б. Б. Пиотровского на холме Кармир-блур (урартский город-крепость Тейшебаини)¹, осваивался в ходе раскопок двух других важных городов-крепостей — Аргиштихинили и Эребуни (Арин-берд).

Систематические раскопки Аргиштихинили начались в 1962 г. усилиями археологических экспедиций. Одна трудилась в западной цитадели и окружающей ее части города, хорошо сохранивших свой первоначальный урартский облик, другая — в восточной цитадели, на которой и вокруг которой в дальнейшем сложился древнеармянский город Армавир (о работах этой второй экспедиции мы скажем ниже).

Раскопками западной цитадели (на холме Давти-блур) и прилегающих городских кварталов, где работала экспедиция во главе с А. А. Мартиросяном, был открыт новый вариант урартского города-крепости, при всем сходстве с Тейшебаини и Эребуни, весьма отличной от них, был добыт огромный материал. Удалось установить наличие двух основных строительных периодов, связанных соответственно со временем правления царя Аргишти I (786—764), основателя города, и его сына и преемника Сардури II (764—735). Особый интерес представляет изучение городских кварталов, позволившее в определенной мере проникнуть в сложный вопрос о социальной структуре урартского города.

¹ Результаты раскопок Кармир-блур опубликованы в ряде выпусков научных отчетов и исследованы в трудах акад. Б. Б. Пиотровского и других ученых. Последняя работа: Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, Л., 1970.

Результаты раскопок Аргиштихинили подытожены в работе А. А. Мартиросяна, выгодно сочетающей обстоятельность и скрупулезность археологического отчета с обобщениями и широким кругозором исторического исследования². Очень важны главы V—VIII, характеризующие структуру крепости, жилые кварталы, хозяйство города и обстоятельства его гибели.

Раскопки расширили наши представления о сельскохозяйственных культурах, распространенных тогда в Араратской долине³. Они принесли новые сведения об урартской медицине: в «доме врачавателя» были найдены остатки двух десятков видов животных, чьи органы или части тела применялись для изготовления лекарств⁴. Открытие металлургической мастерской дало возможность судить о ряде технологических процессов⁵. Наконец, в Аргиштихинили было обнаружено уникальное сооружение — водохранилище, построенное с величайшим для своего времени техническим совершенством⁶.

Исследование оборонительных сооружений послужило отправным пунктом для разработки ряда вопросов урартской фортификации и архитектуры архитектором К. К. Кафадаряном⁷.

В связи с празднованием 2750-летия города Еревана в 1968 г. исследования города-крепости Эребуни, предка нынешней столицы Советской Армении, основанного царем Аргишти II, стали более интенсивными. В дни юбилея вышла в свет книга архитектора К. Л. Оганесяна, руководителя Аринбердской археологической экспедиции (консультант — Б. Б. Пиотровский), содержащая обзор раскопок древнего города, а также посвященная вопросам его основания, его судьбы в послеурартский период и его отождествления с Ереваном⁸.

В 1969 г. появилась книга С. А. Есаяна, посвященная археологическому обзору местности, где расположен Ереван, начиная с самых древних поселений и кончая урартским периодом⁹. Автор начинает свой обзор с Шенгавитского поселения эпохи энеолита (V—III тыс. до н. э.), характеризует поселение Муханпат-тапа эпохи ранней бронзы (III—II тыс.) и другие объекты, вплоть до доурартского поселения у Кармир-блур. Далее автор останавливается на урартских памятниках — Эребуни и Тейшебаини. Книга хорошо иллюстрирована.

Несколько позже была издана монография М. А. Израелян, исследовавшей ряд вопросов, связанных с названием города, его субстратом, памятниками искусства, в частности — стенными росписями, с городскими культурами и ремеслами; в книге рассмотрены также данные о жизни города в раннеармянский период (VI—IV вв. до н. э.). В приложении дан корпус урартских клинописных надписей, касающихся Эребуни, — в транскрип-

² А. А. Мартиросян, Аргиштихинили, Ереван, 1974 (Археологические памятники Армении, 8. Урартские памятники. Выпуск I).

³ В. О. Гулкян, О некоторых сельскохозяйственных культурах из Аргиштихинили, ИФЖ, 1966, № 4.

⁴ С. К. Межлумян, А. А. Мартиросян, Некоторые археологические данные об урартской медицине, ИФЖ, 1977, № 1.

⁵ А. А. Мартиросян, Древнеурартская металлургическая мастерская в городе Аргиштихинили, ИФЖ, 1973, № 1.

⁶ А. А. Мартиросян, Р. М. Торосян, К. К. Кафадарян, А. Р. Израелян, А. А. Петросян, Водоохранилище Аргиштихинили и некоторые вопросы урартского градостроительства, ВОН, 1975, № 10.

⁷ К. К. Кафадарян, Новые данные об архитектуре Урарту, СА, 1967, № 4; он же, Фортификационные сооружения западной цитадели города Аргиштихинили, ВОН, 1972, № 3 (на арм. яз.); он же, Заметки об урартской фортификации, ИФЖ, 1972, № 2 (на арм. яз.).

⁸ К. Л. Оганесян, Эребуни. К 2750-летию основания Еревана, Ереван, 1968 (на арм., русск., англ. яз.).

⁹ С. А. Есаян, Ереван. Археологический очерк, Ереван, 1969.

ции, переводе и с комментариями¹⁰. Хорошо иллюстрированная монография К. Л. Оганесяна посвящена изучению стенных росписей, фрагментарно сохранившихся в ряде помещений Эребуни. Росписи раскрывают не только связи с ассирийским искусством, но значительное своеобразие и великолепное мастерство урартских художников¹¹.

Кроме этих книг, следует отметить и ряд статей. В работах К. Г. Кафадаряна и других авторов тщательно рассмотрен вопрос о непрерывности городской жизни на территории Еревана со времен основания Эребуни¹². Заслуживает специального упоминания статья Г. Р. Мушегяна о водоснабжении урартских крепостей на территории Еревана¹³. В научной периодике появлялись также информативные статьи об археологических раскопках урартских памятников на территории Ирана и Турции¹⁴.

Истекший период принес также много новых урартских клинописных надписей, найденных на Кармир-блуре, Арин-берде, Давти-блуре и в Гарни¹⁵; они изданы и комментированы Н. В. Арутюняном.

В надписи из Гарни важен прочитанный (со знаком вопроса) издателем топоним Гиарниани, сходный с нынешним названием селения. Интересно, что надпись высечена на «вишапе» — рыбообразном памятнике, каковые помещались у источников воды. Десять надписей из Эребуни пополняют наши знания о городе-крепости; в частности, надпись, принадлежащая одному из последних урартских царей — Русе, сыну Эримены (конец VII в. до н. э.), подтверждает, что крепость функционировала в этот период.

Наиболее важны и интересны, однако, три надписи из Кармир-блур, и прежде всего большая надпись основателя города Русы II (685—645), сделанная на многих блоках, из коих сохранилось восемь (текст I по нумерации издания). Это — строительно-культовый текст, в котором пока много непонятого, но упоминания названия города Тейшебаини и страны Аза дают твердую уверенность в том, что город на Кармир-блуре назывался именно так и что находился он в стране Аза. В надписи повторяется имя бога Иварша (в форме Иарша), зафиксированное в одной из надписей Арин-берда. В другой надписи (текст III) неожиданным оказалось упоминание вавилонского бога Мардука, но этот факт пока не нашел убедительного исторического толкования. Н. В. Арутюнян включает в свою публикацию также новое издание двух известных ранее фрагментов надписей (из Армавира и Адильджеваза), которые оказывается возможным су-

¹⁰ М. А. И с р а е л я н, История города-крепости Эребуни, Ереван, 1971 (на арм. яз.).

¹¹ К. Л. О г а н е с я н, Росписи Эребуни, Ереван, 1973 (на арм., русск., англ. яз.).

¹² К. Г. К а ф а д а р я н, О некоторых вопросах истории города Еревана, ИФЖ, 1966, № 1 (на арм. яз.); М. А. И с р а е л я н, Эребуни > Ереван, ВОН, 1968, № 10 (на арм. яз.); К. Л. О г а н е с я н, Город Эребуни, ИФЖ, 1968, № 3 (на арм. яз.); Н. В. А р у т ю н я н, Город Эребуни согласно клинописным источникам, ДВГТ, Ереван, 1973.

¹³ Г. Р. М у ш е г я н, К вопросу о водоснабжении Эребуни и Тейшебаини, ИФЖ, 1971, № 1 (на арм. яз.).

¹⁴ Г. Т и р а ц я н, Урартские древности в Иране, ИФЖ, 1966, № 3 (на арм. яз.); М. И с р а е л я н, Урартские памятники у Ерзынка, ИФЖ, 1967, № 4 (на арм. яз.).

¹⁵ Н. В. А р у т ю н я н, Новые урартские надписи Кармир-блур, Ереван, 1966; о н ж е, Новая урартская надпись из Давти-блур, ВДИ, 1966, № 3; Б. А р а к е л я н, Н. А р у т ю н я н, Урартская клинообразная надпись из Гарни, ИФЖ, 1966, № 2; Н. В. А р у т ю н я н, К. Л. О г а н е с я н, Новые урартские надписи из Эребуни, ВДИ, 1970, № 3. В 1975 г. найдена новая клинописная урартская надпись в районе Сисиана (Запгезур). Надпись пока не издана, но примечателен самый факт ее нахождения в данной местности, изменяющий и уточняющий наши представления о северо-восточных границах государства Урарту.

щественно дополнить в свете данных новонайденных надписей из Кармир-блур. В заключение автор излагает ряд соображений и выводов, касающихся территории, экономики и этнического состава населения страны Аза, а также значения ее трех городских центров — Эребуни, Аргишти-хили и Тейшебаини.

Помимо издания новых надписей, продолжалось исследование уже ранее известного эпиграфического материала. Урартоведы Н. В. Арутюнян, М. А. Израелян, О. О. Карагезян, Н. Г. Енгибарян предложили ряд чтений непонятных прежде пассажей или ряд исправлений принятых ранее чтений, а также выявили новые идеограммы урартского клинописного письма¹⁶, Л. А. Барсегян дал сводку сведений об иероглифической письменности урартов¹⁷.

В ряде статей О. О. Карагезян предложил новую локализацию нескольких городов, упоминаемых в урартских и ассирийских надписях, коснувшись также в некоторых случаях этимологии их названий¹⁸. Любопытное замечание по поводу мужского и женского состава урартского пантеона сделано в статье С. Г. Амаякяна¹⁹. В работе правоведа А. Г. Сукиасяна дана интерпретация урартских надписей в правовом аспекте²⁰.

В 1970 г. вышла в свет монография Н. В. Арутюняна «Биаинили (Урарту)», плод многолетнего труда автора²¹. Монография представляет собой очень полезную и достаточно тщательно выполненную сводку достижений урартоведения в области исследования военно-политической истории Урарту. Она содержит немало географических, топонимических и иного характера уточнений и предложений автора, явившихся результатом кропотливого изучения как урартского эпиграфического материала, так и данных ассирийских, хеттских и армянских источников. Книга как бы дополняется изданной несколько позже статьей Н. В. Арутюняна, посвященной уточнению хронологии последних правителей Урарту²².

Следует упомянуть об издании в Ереване (в 1972 г.) армянского перевода «Истории Армении» выдающегося историка и филолога Н. Адонца, охватывающей период истории Урарту (издана посмертно в Париже на

¹⁶ М. А. Израелян, Урартоведческие штудии, ВОН, 1970, № 9 (на арм. яз.); она же, Уточнения к урартским надписям, ДВ, 2, Ереван, 1976; Н. В. Арутюнян, Уточнения в урартской клинописи, ИФЖ, 1976, № 3 (на арм. яз.); О. О. Карагезян, Неизвестные идеограммы в известных памятниках, ВОН, 1976, № 10 (на арм. яз.); Н. Г. Енгибарян, Урартская страна Igarab-hubi и город Arda, ВОН, 1975, № 11 (на арм. яз.); она же, К интерпретации одного отрывка Звартноцской урартской надписи, ИФЖ, 1976, № 1.

¹⁷ Л. А. Барсегян, Об урартской иероглифической письменности, ВОН, 1976, № 2.

¹⁸ О. О. Карагезян, Город Ани-Аштания в ассирийских первоисточниках, ВОН, 1974, № 6 (на арм. яз.); она же, Город Кутуме урартских источников, ИФЖ, 1974, № 3; она же, Город Алиа клинописных источников, ВОН, 1975, № 4 (на арм. яз.); она же, Локализация урартского царского города Ардашку, ВОН, 1976, № 5.

¹⁹ С. Г. Амаякян, О божествах урартского пантеона, ИФЖ, 1975, № 1 (на арм. яз.).

²⁰ А. Г. Сукиасян, Очерк истории государства и права Биаинили-Урарту, Ереван, 1975.

²¹ Н. В. Арутюнян, Биаинили (Урарту). Военно-политическая история и вопросы топонимики, Ереван, 1970. Изданию монографии предшествовали статьи: Н. В. Арутюнян, Биаинили-Урарту в период своего расцвета, ИФЖ, 1967, № 4 (на арм. яз.); она же, Биаинили-Урарту в период возвышения, ИФЖ, 1968, № 4 (на арм. яз.).

²² Н. В. Арутюнян, Некоторые вопросы последнего периода истории Урарту, ДВ, 2, Ереван, 1976; то же на франц. яз.: N. V. Aroutiounian, Problèmes concernant la dernière période de l'histoire d'Urartu, ААН, XXII, Fasc. 1—4, Budapest, 1974.

французском языке в 1946 г.)²³. Написанная в конце 30-х гг., эта книга, разумеется, во многих своих частях устарела, однако два момента заслуживают быть отмеченными. Во-первых, многие выводы Н. Адонца, хотя и покоятся на ограниченном археологическом материале (раскопки Вана, Топрах-кале) и недостаточно изученной эпиграфике, в дальнейшем все же полностью подтвердились и актуальны по сей день. Во-вторых, его поразительное знание топонимики Армянского нагорья всех эпох — античной, средневековой и современной — придает исключительную жизненность очень многим из его сопоставлений, идентификаций и локализаций топонимов и этнонимов клинописных источников.

Определенным достижением последних лет следует считать обращение армянских исследователей к проблемам хурритологии и хеттологии. М. Л. Хачикян выступила со статьями, посвященными разработке новой области хурритологии — диалектологии хурритского языка²⁴, Д. П. Саркисян — со статьями об одной из стран хурритского мира — Шубрии²⁵.

Работы В. Н. Хачатряна (монография и статья) касаются вопросов топонимики хеттского государства; им предложен целый ряд новых локализаций; он же издал хеттскую надпись²⁶. А. Б. Аракелян исследует хеттскую архитектурно-строительную терминологию²⁷. (О хетто-армянских связях см. ниже.)

Вопросам экономики Ассирии среднеассирийского периода посвящены статьи Л. М. Головлевой и Л. Н. Бягова²⁸.

Г. Х. Саркисян возвратился к разрабатывавшимся им и ранее вопросам истории самоуправляющихся городов Селевкидской Вавилонии, в частности проблеме структуры земледельческой округи городов. Кроме того, им опубликованы неизданные частнопрововые клинописные документы селевкидского периода, хранящиеся в Берлинских государственных музеях (Переднеазиатский музей), а также работа по греческой ономастике в клинописных текстах²⁹.

²³ Н. А д о н ц, История Армении. Истоки: X—VI вв. до н. э., Ереван, 1972 (на арм. яз., перевод книги: 'Nicolas Adontz, Histoire d'Arménie. Les origines du Xe siècle au VIe (av. J. C.), Préface de René Grousset de l'Académie Française, P., 1946).

²⁴ М. Л. Х а ч и к я н, Шумеро-хурритский словарь из Рас-Шамра как источник по хурритской диалектологии, ВДИ, 1975, № 3; о н ж е, Из старохурритских заклиний, ДВ, 2, Ереван, 1976.

²⁵ Д. П. С а р к и с я н, Страна Шубрия в урартских надписях, ДВ, 2, Ереван, 1976; о н ж е, Государственный строй, военные силы и поселения страны Шубрия, ВЕУ, 1973, № 3 (на арм. яз.).

²⁶ В. Н. Х а ч а т р я н, Восточные провинции Хеттской империи (вопросы топонимики), Ереван, 1971; о н ж е, Некоторые вопросы топонимики центральных районов страны Хатти, ДВ, 2, Ереван, 1976; о н ж е, Хеттская надпись KUB XXIX, № 4 (транслитерация и перевод), ВОН, 1966, № 2.

²⁷ А. Б. А р а к е л я н, Термин (E) šina šî в хеттских клинописных текстах, ИФЖ, 1975, № 3; о н ж е, Назначение сооружения Earkiu по данным хеттских текстов, ВОН, 1975, № 9.

²⁸ Л. М. Г о л о в л е в а, «Добровольные» данники Ассирии в конце XII в. до н. э., ВДИ, 1975, № 3; Л. Н. Б я г о в, Термины E и Eḏunnu в среднеассирийском диалекте, ВОН, 1974, № 8; о н ж е, Ростовщический клан Иддин-Кубе, ВОН, 1976, № 4.

²⁹ G. Kh. S a r k i s i a n, City Land in Seleucid Babylonia, «Ancient Mesopotamia, Socio-Economic History. A Collection of Studies by Soviet Scholars», M., 1969; Г. Х. С а р к и с я н, Новые данные о городской земле в Селевкидской Вавилонии, ДВГТ, Ереван, 1973; G. Kh. S a r k i s i a n, New Cuneiform Texts from Uruk of the Seleucid Period in the Staatliche Museen zu Berlin, «Staatliche Museen zu Berlin, Forschungen und Berichte», Band 16. Archäologische Beiträge, B., 1974. Г. Х. С а р к и с я н, Греческая ономастика в Уруке и проблема Graeco-Babyloniaca, ДВ, 2, Ереван, 1976, краткая сводка на англ. языке: G. Kh. S a r k i s i a n, Greek Personal Names in Uruk and the Graeco-Babyloniaca Problem. AAASH, T. XXII, Fasc. 1—4, Budapest, 1974.

Обзор изучения проблем истории древней Армении в советской историографии был сделан нами в 1967 г.³⁰ Здесь мы продолжим его, включив сюда также краткое описание археологических исследований.

Продолжались работы в области изучения этногенеза армян. Очень большую роль здесь сыграла монография И. М. Дьяконова, изданная в Ереване в 1968 г.³¹ Автор отошел от обычных для исследователей этой проблемы попыток ответить на неправомерно прямолинейный вопрос о том, являются ли армяне пришельцами или автохтонами. Он дал, прежде всего, обстоятельный очерк политической, этно-языковой, отчасти и социально-экономической истории региона, включающего, помимо Армянского нагорья, прилегающие к нему области Малой Азии, Закавказья, Иранского плато, Месопотамии и Северо-Восточного Средиземноморья на протяжении длительного хронологического отрезка. Тем самым выделились географические, этно-языковые и хронологические рамки, вне которых искать процессы образования армянского народа не имело бы смысла, или, иными словами, определился круг, где их искать. Затем И. М. Дьяконов обрисовал вероятную и во многом, видимо, верную картину того, как складывался армянский народ. Согласно мнению автора, он образовался безусловно на территории Армянского нагорья, имея ингредиентами как хуррито-урартские, хетто-лувийские и другие племена, с огромным вкладом которых в протекавший здесь этногонический процесс связываются существенные черты физического облика, культуры, ряд элементов языка, так и пришлые индоевропейские (фрако-фригийского круга) племена мушков, которые включились в этногонический процесс с XII в., имея первоначальной базой юго-запад нагорья; с их вкладом связано прежде всего протоармянское ядро языка, — основа будущего армянского языка.

Этой же проблеме посвящена новая работа С. Т. Еремяна, который предложил периодизацию образования армянского народа, включающую четыре этапа, связанных с географическим перемещением центров этногонических процессов³². Первый, наиболее древний период связывается им с родо-племенной организацией на территории Хайаса — Аззи (XV—XIII вв.); второй, начиная с XII в. до н. э., — с юго-западными областями Армянского нагорья, куда вторглись хайасцы совместно с племенами мушков и урумейцев (с которыми связывается страна Арме-Урме-Уруме-Шуприа); третий — это период существования государства Урарту, когда центр упомянутых процессов перемещается в бассейн оз. Ван, конкретнее — в область столицы Тушпы; в четвертый период (VI—IV вв.) средоточием их становится Араратская долина. Завершение этно- и глоттогонических процессов падает на следующие два столетия.

В первом томе восьмитомника «История армянского народа» (см. ниже) также весьма подробно изложена проблема происхождения и складывания армянского народа (С. Т. Еремян). Здесь и использованы результаты исследования И. М. Дьяконова и добавлен ряд новых положений и материалов, детализирующих картину этногенеза и в должной мере выявляющих роль страны Хайаса. С другой стороны, явное утрирование этой роли проявилось в статьях В. Н. Хачатряна³³.

Следует вкратце остановиться и на изучении ряда лингвистических вопросов, относящихся или примыкающих к проблеме этногенеза армян.

³⁰ Г. Х. Саркисян, Изучение истории древней Армении в армянской советской историографии, ВДИ, 1967, № 2.

³¹ И. М. Дьяконов, Предыстория армянского народа. История Армянского нагорья с 1500 по 500 г. до н. э. Хурриты, лувийцы и протоармяне, Ереван, 1968.

³² С. Т. Еремян, Процесс формирования армянского народа, ИФЖ, 1970, № 2 (на арм. яз.).

³³ В. Н. Хачатрян, Хайасцы, ВОН, 1972, № 7; он же, Хайаса и Наири, ВОН, 1973, № 11; он же, Наири и Армина, ВОН, 1976, № 8.

Здесь в первую очередь отметим монографию Г. Б. Джаукяна о дописьменном периоде развития армянского языка³⁴. Основное внимание автор уделил выявлению и объяснению нередких случаев отклонения от закономерностей фонетических переходов в индоевропейской лексике армянского языка. В заключении монографии предлагается периодизация дописьменного периода его развития: индоевропейский период — V—IV тыс. до н. э.; протоармянский период — III тыс.— XII в. до н. э. (с двумя этапами: III тыс.— раннепротоармянский, XX—XII вв.— позднепротоармянский); древнейший период — XII в. до н. э.— V в. н. э. (с двумя этапами: XII—IV/III вв.— раннедревнейший, IV/III в. до н. э.— V в. н. э.— позднедревнейший или додревний). Автору принадлежит и попытка применения метода глоттохронологии к истории развития армянского языка³⁵.

Г. Б. Джаукян написал также ряд статей, посвященных сопоставительному изучению армянского языка с пеласгским, фракийским, фригийским, древнемакедонским языками, а также элементам армянского языка, общим с хетто-лувийскими языками³⁶. Эта последняя проблема в различных аспектах рассмотрена также в работах других исследователей, в особенности Н. А. Мкртчяна, обратившегося, помимо чисто лексических параллелей, к некоторым словообразовательным (видимо, ареального характера) параллелям между армянским и хеттским языками. Он изучал древнесемитские заимствования в армянском языке³⁷. Последнее по времени исследование Г. Б. Джаукяна, продолжающее его работу над указанной проблематикой, — это статья о происхождении хайасского языка³⁸.

Еще четверть века тому назад, отвечая на вопрос о том, что нам известно о материальной культуре Армении эллинистического периода и даже всего тысячелетия, лежащего между концом урартского периода и началом раннего средневековья, мы могли бы указать лишь на считанные памятники — развалины античного храма в Гарни, группу монет арташесидских царей I в. до н. э., импортную бронзовую голову «Артемиды-Анахит», найденную в Западной Армении, и еще на несколько менее значительных вещей. Три большие археологические предприятия и ряд работ меньшего масштаба резко изменили положение.

Начиная с 1949 г. под руководством Б. Н. Аракеляна ведутся систематические раскопки в Гарни (20 км восточнее Еревана), давшие огромный материал для изучения всего упомянутого тысячелетия, но особенно яр-

³⁴ Г. Б. Д ж а у к я н, Очерки по истории дописьменного периода армянского языка, Ереван, 1967.

³⁵ Г. Б. Д ж а у к я н, О применении метода глоттохронологии к армянскому языку, ВОН, 1969, № 9 (на арм. яз.).

³⁶ Г. Б. Д ж а у к я н, Армянский и пеласгский языки, ВОН, 1967, № 9; он же, Армянский и фракийский языки, ВЕУ, 1968, № 2; он же, Армянский и фригийский языки, ИФЖ, 1968, № 3; он же, Армянский и древнемакедонский языки, ВОН, 1968, № 8; он же, Генетические совпадения словарного состава армянского и хетто-лувийского языков, ИФЖ, 1967, № 4; он же, Хетто-лувийские элементы в армянской лексике, ВЕУ, 1967, № 2 (все на арм. яз.).

³⁷ Н. А. М к р т ч я н, Некоторые общие слова хеттского и армянского языков, ИФЖ, 1969, № 1 (на арм. яз.); он же, Хетто-армянские параллели, ВОН, 1970, № 7 (на арм. яз.); он же, Некоторые древнесемитские слова в армянском языке, ИФЖ, 1970, № 2 (на арм. яз.); он же, Редупликация глаголов в хеттском и армянском, ДВ, 2, Ереван, 1976; N. M k r t s c h j a n, Neue hithitisch-armenische lexikalische Parallelen, ААН, Т. XXII, Fasc. 1—4, Budapest, 1974. О хетто-армянских параллелях см. также В. Н. Х а ч а т р я н, Хетто-армянские мифологические параллели, ВОН, 1967, № 8 (на арм. яз.); Ншан М а р т и р о с я н, Хетто-армянские этимологии, ИФЖ, 1972, № 2 (на арм. яз.).

³⁸ Г. Б. Д ж а у к я н, Гипотеза о древнеанатолийском происхождении хайасского языка, ИФЖ, 1976, № 1 (на арм. яз.).

ко и многосторонне обрисовывающие историю царской крепости I—III вв. н. э. Многочисленные публикации этого материала широко известны, а на отчетный период падает издание большого и разнообразного материала античного некрополя, осуществленное Ж. Д. Хачатрян³⁹.

За эти же годы (1966—1976) под руководством архитектора А. А. Саиняна было осуществлено полное восстановление с высокой научной достоверностью уникального на территории Советского Союза храма I в. н. э. и теперь он предстает перед зрителем во всем первозданном великолепии. Это — периптер малоазийского типа с 24 колоннами без каннелюр, с ионическими капителями, роскошной резной орнаментацией антаблемента и плафона портика, на высоком подиуме, с подчеркнутым на римский манер фасадом, со стороны которого в подиум врезаны высокие ступеньки, ведущие к portalу целлы, и с зеркальными барельефными изображениями (по обе стороны лестницы) двух коленопреклоненных атлантов, как бы поддерживающих поднятыми вверх руками крайние колонны (для смотрящего спереди). Анализ конструктивных узлов храма выявил некоторые черты, связанные с местными строительными традициями⁴⁰.

Далее, с 1962 г. под руководством Б. Н. Аракеляна, а с 1971 г. — Г. А. Тирацяна развернулись систематические раскопки самой старой столицы Армении — Армавира (50 км западнее Еревана). Они дали картину древнейшего армянского города, выросшего на основе урартского города и даже использовавшего ряд его сооружений, особенно оборонительных. Сложность различения его архитектурного и культурного облика от послужившей ему основой восточной части урартского города Аргиштихинили (о раскопках его западной части уже было сказано выше) преодолевается все более успешно, и Армавир снабжает нас исключительно важным и дефицитным археологическим материалом эллинистического времени⁴¹.

В 1970 г. под руководством Б. Н. Аракеляна начались систематические раскопки важнейшей из столиц древнеармянского государства — Арташата (Артаксаты античных авторов), расположенной юго-восточнее Еревана на берегу реки Аракс. Они были призваны содействовать заполнению лакуны в истории материальной культуры Армении II—I вв. до н. э. — времени наивысшего расцвета древнеармянской государственности — и успешно выполняют эту функцию, предоставляя также значительный материал для изучения предшествующего и, особенно, следующего периодов.

Арташат дает картину огромного столичного города (сотни гектаров), застроенного первоначально по единому плану (что предполагалось еще до раскопок, на основании одного из сообщений Плутарха), со сложным и мощным оборонительным ядром — системой взаимосвязанных цитаделей, расположенных на нескольких прилегающих друг к другу холмах, и раскинувшимися вокруг них городскими кварталами. Наряду с массовым материалом (керамика, стекло, украшения, предметы быта, оружие и т. п.), незаменимого для разносторонней характеристики жизни города,

³⁹ Ж. Д. Х а ч а т р я н, Гарни, V, Античный некрополь. Результаты раскопок 1956—1972 гг., Ереван, 1976.

⁴⁰ А. А. С а и н я н, Каменный свод античной эпохи в Гарни, ИФЖ, 1976, № 1 (на арм. яз.).

⁴¹ Б. Н. А р а к е л я н, О результатах археологического изучения древнего Армавира, ИФЖ, 1969, № 4; Г. А. Т и р а ц я н, Раскопки Армавира, ВОН, 1972, № 2 (на арм. яз.); о н ж е, Археологические работы в Армавире, ВОН, 1973, № 5 (на арм. яз.); о н ж е, Из материалов раскопок Армавира в 1973 г., ИФЖ, 1974, № 3 (на арм. яз.); о н ж е, Раскопки Армавира, ВОН, 1974, № 12 (на арм. яз.); Ф. И. Т е р м а р т и р о с о в, К стратиграфии Армавирского холма, ВОН, 1974, № 1.

обнаружены первоклассные памятники искусства эллинистического периода, как местные, так и импортные. Из последних особо следует отметить великолепную женскую мраморную статую — западномалоазийское изделие II—I вв. до н. э. К сожалению, результаты раскопок опубликованы пока лишь частично⁴².

Кроме этих трех крупных объектов, археологические работы велись и на множестве других: в крепостях, поселениях и некрополях раннеармянского, эллинистического и позднеантичного периода. Суммарный их результат очень велик. Следует упомянуть раскопки, исследования и находки в Гехадире, Ацаване, Берде, Личке, Паракаре, Джурджаване, в Мартунинском и Вардениском р-нах, в послеурартских слоях Кармирблур, в нижних слоях Двина, в Айгешате, Вагаршапате, Ошакане и других местах⁴³.

Ценным дополнением к этим исследованиям служит информация об археологических открытиях в Западной Армении (Турция) и прилегающих районах⁴⁴.

Добытые материалы, а также материалы, хранящиеся в музеях дают широкую базу для исследования древнеармянской материальной культуры и искусства. Уже имеется возможность для попытки решения вопросов преемственности между доурартской, урартской и раннеармянской культурами, для суждений о характере ее различных направлений⁴⁵.

Усилиями археологов Б. Н. Аракеляна, Г. А. Тирацяна, Ж. Д. Хачатряна и других продолжались исследования различных отраслей и областей ремесла и искусства древней Армении. В первую очередь следует отметить открытие древнеармянской крашеной керамики. Слово «открытие» здесь вполне уместно, если учесть, что совсем недавно нам был неизвестен облик наиболее характерных типов керамики VI—I вв. до н. э. Ныне уже изучаются этапы ее развития, ее отдельные группы, источники — внут-

⁴² Б. Н. Аракелян, Основные результаты раскопок древнего Арташата в 1970—1973 годах, ИФЖ, 1974, № 4; Ж. Д. Хачатрян, А. Г. Канецян, Стратиграфия VIII холма Арташата, ВОН, 1974, № 9 (на арм. яз.); Ж. Д. Хачатрян, Уникальное погребение эллинистического времени, ВОН, 1977, № 1 (на арм. яз.); Б. Н. Аракелян, Древний Арташат, Ереван, 1975 (на арм. яз.).

⁴³ Ж. Д. Хачатрян, Археологические находки в Гехадири, ВОН, 1966, № 1 (на арм. яз.); Г. А. Тирацян, Из материалов раскопок крепости Ацаван в 1963 и 1965 гг., ИФЖ, 1968, № 1 (на арм. яз.); С. А. Есяян, Могильники раннеармянского времени в поселке Берд Шампадинского района, ИФЖ, 1969, № 4; Ж. Д. Хачатрян, Античное погребение в Личке, ИФЖ, 1969, № 3 (на арм. яз.); Г. А. Тирацян, Раскопки Паракарского башнеобразного погребения, ВЕУ, 1970, № 1 (на арм. яз.); С. Чилингарян, Раннеармянский памятник Джурджаванского могильника, ВОН, 1971, № 2 (на арм. яз.); Ж. Д. Хачатрян, А. А. Калантарян, Античные и средневековые памятники Мартунинского и Варденинского районов, ВОН, 1972, № 1 (на арм. яз.); А. А. Вайман, Г. А. Тирацян, Кармирблурский некрополь эллинистического времени, ВОН, 1974, № 8; К. Г. Кафадарян, Языческие погребения из Двина, ИФЖ, 1974, № 4 (на арм. яз.); Р. Торосян, Ф. Тер-Мартirosов, Могильники позднего эллинистического периода в селе Айгешат Эчмиадзинского района, ИФЖ, 1976, № 2 (на арм. яз.); С. А. Сардарян, Местонахождение древнего Вагаршапата по данным археологии и историографии, ВОН, 1975, № 7 (на арм. яз.); Ж. Хачатрян, Р. Торосян, Материалы из северо-восточного некрополя Вагаршапата, ВОН, 1976, № 5 (на арм. яз.); Ж. Д. Хачатрян, Кремация в Армении (II в. до н. э. — III в. н. э.), ВОН, 1975, № 2 (на арм. яз.); С. Есяян, А. Калантарян, Античный некрополь Ошакана, ВОН, 1976, № 12.

⁴⁴ Г. А. Тирацян, Новый эллинистический центр в стране Коммагена, ВОН, 1969, № 3 (на арм. яз.); он же, Новые археологические материалы послеурартского времени на территории Западной Армении (Турция) и их место в истории древнеармянской культуры, ДВ, 2, 1976.

⁴⁵ Г. А. Тирацян, Урарту и Армения, ВОН, 1968, № 2; он же, Материальная культура Армении VI—IV вв. до н. э., ИФЖ, 1969, № 4; С. Есяян, А. Калантарян, Позднеурартское погребение Ошаканского могильника, ИФЖ, 1976, № 3, и др.

рение и внешние — ее форм и орнаментации, что весьма содействует установлению характера международных связей древней Армении⁴⁶.

Продолжалось изучение коллекции стеклянных изделий, по мере археологических исследований все более расширяющейся⁴⁷. Велись работы по исследованию торевтики, портретного искусства на материале монет, глиптики⁴⁸, большой и малой скульптуры, архитектуры и строительного дела⁴⁹.

В монографии Б. Н. Аракеляна, изданной в 1976 г., подытожены достижения советской археологии в изучении материальной культуры (в частности — искусства) древней Армении⁵⁰. В семи разделах книги подробно охарактеризованы этапы развития скульптуры, предметы прикладного искусства из камня и металла, художественное оформление монет, художественная керамика и стекло, монументальная живопись (мозаика). Книга прекрасно иллюстрирована (110 черно-белых и 27 цветных таблиц). Работа Б. Н. Аракеляна знаменует собой новый этап в изучении материальной культуры древней Армении, этап, когда мы в результате археологических исследований последних десятилетий имеем дело уже не с разрозненными и эпизодическими, как прежде, данными, а с таким их количеством, которое делает возможной попытку свести их в систематическом изложении. Автор не только классифицирует памятники по родам искусства, но и подытоживает также проделанную за этот период им же, Г. А. Тирацяном, и другими работу по периодизации их развития, выявляющую периоды раннеармянский, ранне- и позднеэллинистический и позднеантичный, каждый из которых характеризуется своими соотношениями местно-традиционных, привнесенных извне или же новых элементов.

Наряду с резким подъемом уровня изучения материальной культуры в истекшем десятилетии наметилось определенное повышение интереса и к проблемам культуры духовной. В работах Г. Х. Саркисяна исследуются вопросы идеологии в древней Армении, в частности характер и этапы развития института почитания обожествленного царя и царской династии — этой «политической религии», столь распространенной в больших и ма-

⁴⁶ Г. А. Тирацян, О ранней керамике древней Армении (VI в. до н. э. — III в. н. э.), ИФЖ, 1965, № 3; он же, Древнеармянская расписная керамика, ВОН, 1970, № 1 (на арм. яз.); он же, Древнеармянская керамика из раскопок Армавира. (Опыт классификации и датировки), ИФЖ, 1974, № 1; Ж. Д. Хачатрян, Некоторые образцы цветной керамики, найденные в Армении, ИФЖ, 1966, № 1 (на арм. яз.); он же, Одна из характерных черт керамики Армении VII — I вв. до н. э., ИФЖ, 1970, № 2 (на арм. яз.); И. Карапетян, Группа раннеармянских чаш VI—III вв. до н. э., ИФЖ, 1974, № 3 (на арм. яз.); она же, Новый тип керамики из Армавира, ВОН, 1973, № 11 (на арм. яз.); Г. Кочарян, Керамика Двина эллинистической эпохи, ВОН, 1974, № 5 (на арм. яз.); Ф. И. Тер-Мартirosов, О происхождении красной керамики античной Армении, ИФЖ, 1974, № 1.

⁴⁷ Б. Н. Аракелян, Г. А. Тирацян, Ж. Д. Хачатрян, Стекло древней Армении, Ереван, 1969 (на арм., русск., англ. яз.); Ж. Д. Хачатрян, Стеклозное дело в древней Армении, ВОН, 1967, № 1 (на арм. яз.); он же, Стеклоделие в древней Армении, ИФЖ, 1975, № 1.

⁴⁸ Г. А. Тирацян, К вопросу о торевтике и ювелирном деле в Армении в ахеменидское время, ИФЖ, 1969, № 1; он же, Портретное искусство Армении по монетам Тиграна II и Артавазда II, ИФЖ, 1973, № 4; Ж. Д. Хачатрян, Замечания о глиптике Армении эллинистического периода, ВОН, 1974, № 7 (на арм. яз.).

⁴⁹ Б. Н. Аракелян, Скульптура в древней Армении, ИФЖ, 1969, № 1 (на арм. яз.); Ф. И. Тер-Мартirosов, Терракоты из Арташата, ВОН, 1973, № 4; К. Г. Кафадарян, О времени основания города Двина и о языческом храме на вышгороде, ИФЖ, 1966, № 2 (на арм. яз.); он же, Два архитектурных памятника из раскопок Двина, ИФЖ, 1973, № 4 (на арм. яз.); Г. Г. Кочарян, Каменный солен из Двина, ВОН, 1974, № 11 (на арм. яз.).

⁵⁰ Б. Н. Аракелян, Очерки по истории искусства древней Армении, Ереван, 1976 (на арм. и русск. яз., англ. резюме).

лых государствах эллинистического мира⁵¹. Ему же принадлежит первая попытка создания (в меру возможностей, предоставляемых сохранившимися данными) связной истории древнеармянской дохристианской, преимущественно грекоязычной, историографии, начиная с I в. до н. э., и выделения двух ее течений — придворной и храмовой историографии. Достижения древних авторов этого периода стали важной предпосылкой бурного расцвета в V веке (после изобретения армянских письмен Месропом Маштоцем) уже национальной, армяноязычной историографии⁵².

Л. С. Хачикян обратился к изучению произведений иноязычной армянской литературы в IV в., также легших в основу армянской литературы V века на родном языке⁵³. Попытка краткого обобщения фактов духовной культуры древней Армении и влияния на нее эллинизма сделана Г. Х. Саркисяном⁵⁴.

Вопросы нумизматики исследовались Х. А. Мушегяном. В одной из своих статей он дал обзор древнеармянских монет III—I вв. до н. э., а также римских монет I в. до н. э.—II в. н. э., чеканенных в ознаменование успехов римской политики в Армении. В другой работе охарактеризованы группы монет (Александра, селевкидских, парфянских, римских, малоазийских, сасанидских и др.), имевших хождение в Армении в последние века до н. э. и первые века н. э.⁵⁵ В монографии, посвященной изучению большого клада монет (373 единицы, помимо утраченных), найденного в селении Сарнакунк Сисианского р-на АрмССР, дано их описание и исследованы некоторые вопросы древнеармянской нумизматики⁵⁶. Отметим, что за последние годы в Арташате, Гарни и других местах также обнаружены клады, но меньшего размера, а также множество единичных монет.

Следует отметить рецензию Х. А. Мушегяна, информирующую о работе американского армянского нумизмата П. З. Бедукяна (З. Птукян), впервые предпринявшего попытку полной классификации монет армянских царей Арташесидов. Им выявлено 40 типов, охватывающих сотни монет; из них 18 типов включают монеты Тиграна II, чеканенные в Антиохии-на-Оронте, Дамаске, Тигранакерте, Арташате и в других монетных дворах его державы. В составе известного Низибинского монетного клада Бедукяном обнаружены монеты Тиграна I (отца Тиграна II, правившего в конце II — начала I в. до н. э.), что проливает свет на ряд проблем истории Армении эллинистического периода⁵⁷.

Существенно обогатился эпиграфический материал. На три единицы увеличилось количество межевых стел царя Великой Армении Арташеса I (189 — около 160 г. до н. э.) с арамейскими надписями. Важно, что они найдены не на побережье оз. Севан, как предшествующие пять эк-

⁵¹ Г. Х. Саркисян, Обожествление и культ царей и царских предков в древней Армении, ВДИ, 1966, № 2; G. Kh. Sarkissian, On the Problem of the Cults of the Hellenistic World (The Cult of the Royal Dynasty in Ancient Armenia), «Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums», Budapest, 1968.

⁵² Г. Х. Саркисян, Домесроповская армянская историография, ИФЖ, 1969, № 1 (на арм. яз.).

⁵³ Л. С. Хачикян, Иноязычная армянская литература в IV в., ИФЖ, 1973, № 3 (на арм. яз.).

⁵⁴ Г. Х. Саркисян, Черты эллинизма в духовной культуре древней Армении, ИФЖ, 1976, № 3.

⁵⁵ Х. А. Мушегян, Из истории денежного обращения в античной Армении, ИФЖ, 1970, № 3 (на арм. яз.); он же, Основные группы монет, распространенных в древней и средневековой Армении, ИФЖ, 1976, № 1 (на арм. яз.).

⁵⁶ Х. А. Мушегян, Монетные клады Армении. I, Ереван, 1973 (на арм., русск., англ. яз.).

⁵⁷ Х. Мушегян, (рец.). З. Птукян, Монеты династии Арташесидов, ВЕУ, 1970, № 3 (на арм. яз.).

земляров, а на севере (два экземпляра — у селения Техут Иджеванского района)⁵⁸ и юго-востоке (один экземпляр — в Сисианском р-не) Советской Армении. Кроме того, эти надписи дали исследователям новые элементы стандартной формулы, отсутствующие в прежних: развернутую титулатуру царя и дату надписи по годам его царствования. В гробнице вельможи, открытой также в Сисианском р-не, найдена серебряная чаша с арамейской надписью, называющей имя владельца чаши и ее вес. Все эти арамейские надписи опубликованы и прокомментированы А. Г. Периханяном⁵⁹.

Б. Н. Аракелян опубликовал две новые латинские надписи, найденные близ Арташата. Одна из них представляет собой импозантный памятник восточного похода императора Траяна (высечена в 116 г.), другая — эпитафию римского воина⁶⁰.

В области публикации источников событием явилось издание в Ереване подготовленного А. Г. Периханяном критического текста и перевода с глоссарием сасанидского раннесредневекового судебного текста, во многом отражающего положение вещей в парфянский период и весьма связанного также с древнеармянской действительностью⁶¹.

Опубликован один из важнейших источников по истории древней Армении — «Анабасис» Ксенофонта в армянском переводе и с комментариями С. М. Кркияшаряна⁶². Им же изданы в армянском переводе отрывки из сочинений Иосифа Флавия и Диона Кассия, относящиеся к истории Армении⁶³.

Продолжалось изучение раннесредневековых армянских источников, содержащих материал по истории древней Армении. Монография Г. Х. Саркисяна посвящена сложному вопросу об исторической достоверности сведений о древнем периоде, сообщаемых армянским историком V в. Мовсесом Хоренаци⁶⁴. В книге сделана попытка проследить те специфические каналы и пути, по которым информация о событиях и явлениях эллинистического периода попадала в армянскую раннесредневековую литературу. Эта тема в различных аспектах продолжала разрабатываться и в трудах других авторов⁶⁵.

В исследовании собственно исторических проблем древней Армении

⁵⁸ Г. Караханян, Две новонайденные арамейские надписи, ИФЖ, 1971, № 3 (на арм. яз.).

⁵⁹ А. Реликханян, L'inscription araméenne du roi Artashes trouvée à Zanguezour (Siwnik'), REANS, III, P., 1966; она же, Les inscriptions arméennes du roi Artashes, REANS, VIII, P., 1971; А. Г. Периханян, Арамейская надпись на серебряной чаше из Сисиана, ИФЖ, 1971, № 3.

⁶⁰ Б. Н. Аракелян, Латинские надписи из столицы древней Армении — Арташата, ВДИ, 1971, № 4.

⁶¹ А. Г. Периханян, Сасанидский судебник. «Книга тысячи судебных решений» (Matakdan i hazar datastan), Ереван, 1973.

⁶² Ксенофонт, Анабасис, в переводе Симона Кркияшаряна, Ереван, 1970 (на арм. яз.). В приложении — статьи: Г. Х. Саркисян, Жизнь и творчество Ксенофонта. «Анабасис»; Г. А. Тирацян, «Анабасис» и Армения.

⁶³ Иноязычные источники об Армении и армянах. 9. Древнегреческие источники, 1. Иосиф Флавий. Дион Кассий. Пер. с оригинала, предисл. и прим. С. М. Кркияшаряна, Ереван, 1976 (на арм. яз.).

⁶⁴ Г. Х. Саркисян, Армения эллинистического периода и Мовсес Хоренаци, Ереван, 1966 (на арм. яз.); он же, Количество лет царствования Тиграла II и Артавазда II по Хоренаци, ВОН, 1967, № 2 (на арм. яз.); он же, Мовсес Хоренаци и его «История Армении», ИФЖ, 1973, № 2 (на арм. яз.).

⁶⁵ А. Ш. Мнацаканян, «Поэма Давида» и эпос о Тигране Ервандяне, ВЕУ, 1973, № 1 (на арм. яз.); Ж. Г. Эльчибекян, Иосиф Флавий как источник «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци, ВОН, 1975, № 5 (на арм. яз.); Э. Л. Даниелян, Некоторые эпизоды истории Парфянского государства в освещении Мовсеса Хоренаци, ИФЖ, 1976, № 3 (на арм. яз.) и др.

также проделана значительная работа. Если в предшествующие десятилетия усиленно разрабатывались социально-экономические проблемы, то в рассматриваемый период в центре внимания оказались проблемы политической истории.

Ряд работ посвящен вопросу образования армянского государства и ранним этапам его существования. Г. А. Тирацян прослеживает предпосылки его сложения в VI в. до н. э. начиная с III тыс. до н. э. (времени классообразования в среде племен Армянского нагорья) и отмечает ощутимую роль в его создании традиций, тянувшихся от государств, так или иначе соприкасавшихся с нагорьем или просто охватывавших его — Хати, Митанни, Урарту, племенных объединений Хайаса и Арме-Шуприа⁶⁶. С. Т. Еремян и Э. Л. Даниелян отодвигают время образования первого армянского государства к VII в. до н. э.⁶⁷ Ведется спор относительно династии, правившей в раннеармянском государстве VI в. до н. э., были ли то Ервандиды, как считает ныне большинство исследователей⁶⁸, или другая династия — «Тигриды», как полагал в свое время Н. Адонц⁶⁹. Обсуждаются вопросы о характере царской власти в этот период, о характере армянского войска⁷⁰.

Несколько работ посвящено периоду владычества в Армении Ахеменидов. Геолог К. Н. Паффенгольц предложил свой вариант маршрута отступления «десяти тысяч» греков через Армению, опираясь на собственные наблюдения в соответствующих районах Армянского нагорья и на картографические данные⁷¹. Г. А. Тирацян рассмотрел административную и военную структуру армянской сатрапии на фоне прочих известий о сатрапском управлении в Ахеменидской державе⁷².

Значительное внимание уделялось истории Армении эллинистического периода. Г. Х. Саркисян исследовал селевкидско-армянские отношения в конце III — начале II в. до н. э., а именно обстоятельства и хронологию превращения ряда государственных образований (Великая Армения, Малая Армения, Софена, Коммагена) на короткий период в селевкидские сатрапии и дальнейшего их освобождения и достижения суверенности. Им также введен в обиход арменоведческой литературы ряд сведений позднеантичной литературы (Порфирий, Иероним) об Армении периода правления Арташеса I (189 — около 160 г. до н. э.)⁷³. Ж. Г. Эльчибекян предложила новое хронологическое толкование сведений Трого—Юстина о первой парфяно-армянской войне (около 140 г. до н. э.)⁷⁴. Э. Л. Да-

⁶⁶ Г. А. Тирацян, Возникновение древнеармянского государства, ИФЖ, 1966, № 4 (на арм. яз.).

⁶⁷ С. Т. Еремян, Первые армянские государственные образования (VII—VI вв. до н. э.), ИФЖ, 1968, № 3 (на арм. яз.); Э. Л. Даниелян, Из истории Армении VII—VI вв. до н. э., ВОН, 1974, № 11 (на арм. яз.).

⁶⁸ Ж. Г. Эльчибекян, К вопросу о происхождении династии Ервандидов, ИФЖ, 1971, № 2 (на арм. яз.).

⁶⁹ С. М. Кркяшарян, Царская династия Оронтидов в Армении, ИФЖ, 1973, № 4 (на арм. яз.).

⁷⁰ С. А. Есаян, Армянское войско в эпоху Ервандидов, ВОН, 1969, № 12; С. М. Кркяшарян, Царская власть в древней Армении, ВЕУ, 1970, № 1 (на арм. яз.).

⁷¹ К. Н. Паффенгольц, О пути отступления «Десяти тысяч» греков, ВОН, 1969, № 11.

⁷² Г. А. Тирацян, Некоторые аспекты организации армянской сатрапии, ИФЖ, 1972, № 2; М. Кавалян, 13-е и 18-е сатрапства Ахеменидского владычества, ВОН, 1975, № 5 (на арм. яз.).

⁷³ Г. Х. Саркисян, Антиох III Селевкид и армянские государства, ВЕУ, 1969, № 1 (на арм. яз.); он же, Новые повествовательные данные об Арташесе I (в кн. «Армения эллинистического периода и Мовсес Хоренаци» — см. прим. 64).

⁷⁴ Ж. Г. Эльчибекян, О первой армяно-парфянской войне, ВЕУ, 1971, № 1 (на арм. яз.).

ниеляном сделаны некоторые замечания по аграрной политике Арташеса I⁷⁵. Несколько работ посвящено периоду правления Тиграна II Великого (95—55 гг. до н. э.). Они касаются вопроса об армяно-понтийском союзе, дают общую картину — в политическом, социально-экономическом и культурном аспектах — державы Тиграна II, простиравшейся от Каспия до границ Египта, или ее отдельных частей⁷⁶. Несомненный интерес представляет статья С. М. Кркияшаряна, давшего на основании сообщения Иосифа Флавия новое и убедительное описание обстоятельств возникновения римско-армянской войны 69—66 гг. до н. э.⁷⁷ Им написаны и другие статьи об этой эпохе⁷⁸.

Ряд работ относится к периоду правления в Армении династии Аршакидов (I—V вв. н. э.). Любопытна интерпретация некоторых обстоятельств коронации первого армянского Аршакида — Трдата I, с точки зрения римских и парфянских обычаев⁷⁹. Несколько статей посвящено отдельным областям Армении, характеру царской власти и военной организации государства⁸⁰. В центре внимания исследователей был плохо освещенный источниками и малоисследованный период истории Армении II в. и особенно III в. н. э. Толчком к интенсификации его изучения явились данные об Армении известной грехязычной надписи царя Шапура I Сасанида «Кааба-и-Зардушт». Следует особо упомянуть статьи С. Т. Еремяна о военной политике Армении по отношению к Парфии и Риму на грани II и III вв. и о бурных, но малоизученных событиях III в., когда Армения стала яблоком раздора между Римом и набиравшим мощь Сасанидским Ираном⁸¹. Предложена и несколько иная (по существу и по хронологии) трактовка этих событий⁸².

В части изучения социально-экономической истории древней Армении основное внимание было сконцентрировано на проблеме перехода к феодальному строю. С. Т. Еремян развивал свою концепцию о феодализации Армении, начавшейся в первые века н. э. и в основном завершившейся в V в., обосновывая ее конкретным материалом истории условного землевладения⁸³; А. М. Даниелян, исследуя вопросы земельной собственности,

⁷⁵ Э. Л. Даниелян, К вопросу об аграрной политике Арташеса I, ИФЖ, 1974, № 4 (на арм. яз.).

⁷⁶ Н. Шахназарян, Об армяно-понтийском союзе, ВЕУ, 1975, № 1 (на арм. яз.); Г. Х. Саркисян, Держава Тиграна Второго, ИФЖ, 1966, № 1 (на арм. яз.); Ж. Г. Эльчибекян, Сирия в составе армянской державы, ВОН, 1970, № 6 (на арм. яз.).

⁷⁷ С. М. Кркияшарян, Важная поправка, относящаяся к Тиграну II, ИФЖ, 1967, № 4 (на арм. яз.).

⁷⁸ С. М. Кркияшарян, Возникновение питнашхств в Армении, ИФЖ, 1966, № 4 (на арм. яз.); он же, Армянское войско при Арташесидях, ВОН, 1975, № 6 (на арм. яз.).

⁷⁹ А. А. Степанян, Рандейский договор и коронация Таридата Аршакида в Риме, ИФЖ, 1976, № 3.

⁸⁰ С. Г. Петросян, Пайтакаран и Парспатуник в третьей четверти I в. н. э., ИФЖ, 1975, № 2 (на арм. яз.); В. М. Варданян, Марды в Вазпуракапе, ИФЖ, 1971, № 3 (на арм. яз.); о племенах мардов см. также Э. Л. Даниелян, Племя мардов в древней Армении (V в. до н. э. — I в. н. э.), ИФЖ, 1976, № 1 (на арм. яз.); С. М. Кркияшарян, Царская власть в Аршакидской Армении, ИФЖ, 1971, № 1 (на арм. яз.); А. М. Даниелян, Военная реформа Тиридата III, ИФЖ, 1974, № 4 (на арм. яз.).

⁸¹ С. Т. Еремян, Политические отношения Валарша II с Римом и парфянами, ИФЖ, 1976, № 4 (на арм. яз.); он же, Данные надписи «Кааба-и-Зардушт» об Армении, ИФЖ, 1966, № 2 (на арм. яз.); он же, Раздел царства Великой Армении в 244—253 гг. между сасанидским Ираном и Римской империей, ИФЖ, 1976, № 1 (на арм. яз.).

⁸² А. А. Мартиросян, Армения и первые Сасаниды, ИФЖ, 1975, № 3 (на арм. яз.).

⁸³ С. Т. Еремян, К вопросу о сложении условного землевладения в феодализирующейся Армении, ИФЖ, 1971, № 1 (на арм. яз.).

выступил с точкой зрения о зарождении феодальных отношений в Армении в IV в. и окончательном их утверждении в VII в.⁸⁴ Г. Х. Саркисян попытался обрисовать общую картину утверждения феодального общественного строя в Армении в IV—V вв., сопровождавшегося упадком древнеармянского государства⁸⁵. В интересном исследовании термина «нахарар» С. С. Костянян пытается выявить эволюцию его значения на армянской почве от областеначальника до феодального сеньора⁸⁶.

Не угасал исследовательский интерес и к истории древнеармянского города. Монография С. М. Кркяшаряна посвящена сопоставительному изучению городов Малой Азии и Армении в эллинистический период. В ней затронуты вопросы о специфических взаимоотношениях монархов и городов, развиты далее тезисы о существовании в древней Армении храмовых городов и об основании новых городских центров посредством сирийского влияния; рассмотрена роль городов Армении в международной торговле⁸⁷. Последний вопрос, применительно к городу Эребуни-Еревану, подробно изучен в статье С. Т. Еремяна⁸⁸. Интересна постановка вопроса о городах Армении доэллинистического периода в работе Г. А. Тирацяна⁸⁹.

В книге М. К. Зуляляна подвергнуты критике попытки фальсификации ряда вопросов истории древней Армении (проблема происхождения армянского народа, история древнеармянского государства, его взаимоотношений с соседними странами и т. п.) в современной турецкой буржуазной историографии⁹⁰.

Огромным событием в научной жизни Советской Армении стала работа над коллективным обобщающим восьмитомным трудом по истории армянского народа, издаваемым Институтом истории АН АрмССР, где древнему периоду посвящен выпущенный в 1971 г. I том (с древнейших времен до III в. н. э.)⁹¹. Принципиальное, концептуальное значение имеет структура тома, впервые включающая в качестве предистории армянского народа весь период зарождения и развития человеческого общества на территории Армянского нагорья, непрерывную преемственность развития производительных сил и производственных отношений, материальной и духовной культуры, развитие классового общества и возникновение древнейших племенных союзов и государственных образований древневосточного типа. В томе показано, как на определенном этапе этого развития в него исподволь вылетают этногонические процессы, приобретаая с течением времени все большее значение, и как вся совокупность этнического, социально-экономического, культурного, политического и языкового развития приводит к образованию армянского народа. Дальнейшая его история — это история древней Армении, в изложении которой использованы все достижения предшествующих этапов армянской историографии, но в ря-

⁸⁴ А. М. Д а н и е л я н, К вопросу о возникновении и установлении феодальной земельной собственности в Армении, ИФЖ, 1971, № 2 (на арм. яз.).

⁸⁵ Г. Х. С а р к и с я н, Утверждение феодального общества в Армении и падение древнеармянского государства, ИФЖ, 1972, № 2 (на арм. яз.).

⁸⁶ С. С. К о с т я н я н, О термине «нахарар», ИФЖ, 1973, № 3 (на арм. яз.).

⁸⁷ С. М. К р к я ш а р я н, Очерки истории городов Малой Азии и Армении, Ереван, 1970 (на арм. яз.).

⁸⁸ С. Т. Е р е м я н, Эребуни-Ереван на путях международной торговли, ВОН, 1969, № 12 (на арм. яз.).

⁸⁹ Г. А. Т и р а ц я н, К вопросу о городах Армении доэллинистического времени, ДВГТ, Ереван, 1973.

⁹⁰ М. К. З у л я л я н, Вопросы древней и средневековой Армении в освещении современной турецкой историографии, Ереван, 1970.

⁹¹ «История армянского народа», т. I. Армения в эпоху первобытного общества и рабовладельческого строя [Редакция тома: С. Т. Еремян (отв. редактор), А. А. Мартиросян, Г. Х. Саркисян (зам. отв. редактора), Г. А. Тирацян], Ереван, 1971 (на арм. яз.).

де разделов внесено и много нового, например, в главах Г. А. Тирацяна об ахеменидском периоде (особенно в разделе о материальной культуре), Г. Х. Саркисяна о II в. до н. э. (о деятельности царя Арташеса I), С. Т. Еремяна о I—II вв. н. э. Труд знаменует собой завершение определенного этапа марксистского изучения истории армянского народа и вместе с тем представляется нам базой для нового подъема исследовательской мысли в этой области.

В заключение следует упомянуть два события в научной жизни республики, в немалой степени стимулировавших оживление интереса к проблемам древности. Первое из них — это Всесоюзный симпозиум по проблеме городов и торговли на Древнем Востоке в III—I тыс. до н. э. (Ереван, 1969)⁹², труды которого были в дальнейшем изданы⁹³. Второе — XIV Международная конференция античников социалистических стран «Эйрене» (Ереван, 1976 г.)⁹⁴, с участием 300 ученых, на которой было представлено около трех десятков докладов армянских исследователей⁹⁵.

Таковы основные итоги работы в области изучения проблем древнего мира в Армянской ССР за последнее десятилетие, итоги, с которыми армянские историки встречают 60-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции.

RECENT ARMENIAN HISTORIOGRAPHY ON ANTIQUITY

(1967—1977)

G. Kh. Sarkisian

In Armenian historical studies of this period the author finds a more thorough grasp of Marxist theoretical principles, a broadening of thematic content and a firmer grounding in source-analysis. He discusses the results of archaeological field work in Argishtikhinili-Armavir, Erebuni, Garni, Artashat and other sites, presents a survey of source-studies, including numismatic and epigraphical sources, and a detailed review of problems treated in the fields of socio-economic, political and cultural history covering the period from the origins of class society in the Armenian highland to the early stages in the formation of feudal relations in the 5th century. He regards the publication of the first volume of *The History of the Armenian People* as a most important synthesis of the achievements of Armenian historiography in the decade under review.

⁹² О. Карагезян, Научная сессия, посвященная городам и торговле древнего Востока, ИФЖ, 1969, № 2 (на арм. яз.).

⁹³ «Древний Восток. Города и торговля (III—I тыс. до н. э.)», Ереван, 1973. Рец.: М. П. Игнадзе, Г. Г. Гюргадзе, З. Г. Кикнадзе, ВДИ, 1976, № 4. В качестве следующего выпуска серии издан сборник статей советских и зарубежных ученых: «Древний Восток», 2, Ереван, 1976.

⁹⁴ XIV Международная конференция античников социалистических стран «Эйрене». Ереван, 1976, 18—23 мая. Тезисы докладов, Ереван, 1976; Е. С. Голубцова, Д. Б. Шелов, XIV Международная конференция «Эйрене», ВДИ, 1977, № 1.

⁹⁵ С. М. Крисярян, XIV конференция организации «Эйрене» ИФЖ, 1976, № 3 (на арм. яз.).